

ПАРЛАМЕНТ СОЮЗА, КОТОРОГО НЕТ

СССР, каким он был шестьдесят девять лет, больше не существует. Центральная власть в дни августовского переворота сама подписала себе приговор. Но вот неожиданность: Верховный Совет СССР с согласия суверенных республик все-таки будет жить. Дань конституционным условностям? Политическая необходимость? Над этими и другими вопросами в беседе с корреспондентом «МН» Владимиром ОРЛОВЫМ размышляет народный депутат СССР Константин ЛУБЕНЧЕНКО.

— Утрата доверия к союзным структурам власти, равно как и утрата ими своих функций, дискредитация самого института парламентаризма, — сказал он, — налицо. Достаточно вспомнить о роли Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова. Известно, что он практически держал в своих руках три аппарата: партийный, Верховного Совета СССР и правительственный. Аппарат, к примеру, даже составлял списки неугодных депутатов... Отсюда напрашивается вывод, что общесоюзная законодательная структура, поверженная аппаратом, да еще и в условиях стремительного развала Союза не нужна. Но это вывод поверхностный.

— Можете его опровергнуть?

— Я считаю, что отказ от союзного парламента в нынешних усло-

виях был бы катастрофой. И прежде всего для России. Тот факт, что ее властные структуры оказались более дееспособными в экстремальных условиях, чем союзные, подталкивает к выводу: они могут заменить собой центр. Однако республиками скорее всего это будет расценено как экспансия. И мы уже могли убедиться в этом. В таком случае Россия не просто теряет роль гаранта и «третейского судьи» в пограничных, этнических, межнациональных конфликтах, но и провоцирует их эскалацию на своей собственной территории. Центральные власти в переходный период должны и могут урегулировать межреспубликанские противоречия.

— Но каким образом? Хватит ли у нового центра для этого полномочий? Ведь парламент отныне лишен даже законодательной инициативы...

— Ничего страшного. Верховный Совет необходим как трибуна для разрешения споров и противоречий между теми субъектами, чьи представители будут в парламенте. Он должен также координировать деятельность правоохранительных органов и строго следить за соблюдением прав человека в любой точ-

ке... Это будет своего рода поле для дипломатических переговоров между республиками на весь переходный период. За это время необходимо найти приемлемые варианты экономических соглашений между республиками, решить вопросы национальной безопасности. Новый парламент может и должен стать «круглым столом» согласия.

— Вы считаете, что формула, по которой он будет сформирован, открывает такую перспективу? А бывшие автономии? Они так и не получили в Совете республик полноценного голоса...

— Когда мы вместе с Руцким, Шахраем, Степанковым и другими представителями России и центра готовили итоговый документ съезда, я не раз поднимал этот вопрос. На мой взгляд, представительство автономий в новом парламенте неадекватно их роли. А это «мина замедленного действия».

Есть, разумеется, на пути к согласию и другие опасности. Хотя бы неостывающие антикоммунистические и антиколлаборационистские настроения, с огромным трудом удерживаемые пока в рамках законности. Все вместе дает типичную картину психической неуравновешенности общества с признаками не только индивидуальной, но и социальной истерии.

Ни правые, ни левые не владеют сегодня ситуацией. Одни — из-за нервозности, вызванной подозрениями в причастности к путчу. Другие — из-за осознания недееспособности союзных структур власти. Демократы готовы на решительный, но малодушный шаг: уйти с союзной политической арены. Все эти проблемы будут серьезно осложнять работу «переходного» парламента.

— Вы не назвали в числе их излишний напор победителей. Не кажется ли вам, что победа несколько вскружила голову российским властям? Как еще можно объяснить заявление о пересмотре границ?

— Да, это заявление было чересчур горячим. В требовании пересмотра границ скрыта одна из самых больших опасностей для политического пространства, которое называлось СССР.

(w28)

— По моим подсчетам, сейчас более двадцати точек, где могут в любую минуту вспыхнуть конфликты под предлогом «пересмотра границ». Но ведь есть международный принцип. Пусть не покоробит нас сравнение с Африкой, но когда в начале 1960-х годов распались колониальные империи, там был провозглашен принцип: «Границы не могут быть пересмотрены». Тот же принцип сейчас доминирует и в Латинской Америке.

— Это должно быть принято и у нас. Но в съездовском документе такого признания не содержится, хотя российскому руководству достаточно было лишь кивнуть. Они «не кивнули»... Конечно, не для того, чтобы сейчас же заговорить о Крыме, Новороссии, но все-таки оставили себе этот козырь. А между тем Россия должна стать гарантом стабильности.

— Удастся ли «переходному» парламенту сыграть свою историческую роль или нет, зависит и от его состава. Известно ли вам, кто из народных депутатов СССР будет представлять в Верховном Совете Россию?

— Пока нет. Но надеюсь, это будут здравые, уравновешенные и компетентные люди. Нам теперь очень нужны дипломаты на внутреннем фронте.